

Замах со всей дуры

Максим Коростышевский дошел до человеческой сути

премьера КИНО

Кассиссерант 2 - 2005 - 22 июня - с. 13

В киноконцертном зале «Пушкинский» состоялась премьера фильма «Дура» режиссера Максима Коростышевского, раскручиваемого как главная отечественная премьера этого лета. Слишком жалобной и недостаточно развлекательной для летнего блокбастера нашла картину ЛИДИЯ МАСЛОВА.

Само по себе название «Дура» звучит и выглядит на обильных рекламных билбордах достаточно смешно, если не видеть фильма. Но после знакомства с ним становится понятно, что слово «Дура» в данном случае содержит изрядную философскую претензию почти такую же по замаху на исчерпывающее определение человеческой сути, как «Идиот». Из произведения Достоевского берется также фамилия князя Мышкина, которая коверкается и наклеивается на неудачливого писателя Мушкина (Евгений Редько), чьи рукописи не тонут, даже будучи сброшены с метромоста в Лужниках. Под каким-то благовидным предлогом литератор попадает в семью сестер-двойняшек балзаковского возраста. Можно было написать просто «тридцатилетних», но «Дуре» присущ такой стойкий литературный душок, что и французский исследователь повадок несчастных женщин ложится в строку как влитой.

Несчастье двух русских сестер имеет объективные причины: та, которой пришлось родиться первой, получила от акушерских щипцов травму, несовместимую с тем, что принято считать нормальной человеческой жизнью и адекватным восприятием реальности. Выписан образ заглавной Дуры с любовью и где-то даже изобретательностью, включая такие трогательные черты, как привычка резать правду-матку про прыщики на жопе у сестры и разговаривать по душам с гипсовой ленинской головой, наркотическая зависимость от карбонада и категорическое нежелание мириться с тем, что на шампунь из плаценты пускают живых младенцев.

Оксана Коростышевская играет Дуру со всем отчаянием человека, понимающего: сейчас или никогда. Ее предыдущая большая роль в «Тихих омутах»

Даже в пикантной позе на коленях у Дмитрия Шевченко героиня Оксаны Коростышевской вызывает не смех, а жалость

Эльдара Рязанова шанса проявить себя полноценной артисткой не предоставляла, а общая неприязнь имиджа пробивной журналистки работала против актрисы. В «Дуре» ситуация противоположная, максимально выигрышная, но не лишенная риска обнаружить, что кроме старания необходимы еще и природные задатки или, как минимум, элементарное обаяние. При просмотре «Дуры» особенно остро чувствуешь, что жалость и очарованность — два совсем разных чувства, которые в данном случае не смешиваются, как хотелось бы создателям картины. Лишь однажды блаженная и кроткая героиня

вдруг проявляет шутовскую пронзительность и иронию, пародируя приемы киноактеров, на которых насмотрелась по телевизору. Это короткий энергичный этюд, демонстрирующий и пластичность, и темперамент Оксаны Коростышевской, но, к сожалению, исключительный, будто режиссер, в основном долдонивший актрисе и по совместительству собственной жене: «Вышибай слезу», в этот момент отлучился покурить. Но, сделав пару затяжек, вернулся и бодренькую интонацию мгновенно пригасил, а разухабистый музон с литаврами, сопровождающий забавные выходки Дуры, превратил

в специальную рыдательную музыку, добивающуюся, пожалуй, обратного эффекта: ну раз уж музыкальные инструменты так старательно страдают героине, рассуждает ленивый зритель, зачем мне-то присоединяться.

И так в общем-то эмоциональная доминанта достаточно ясна: всех должно быть жалко, включая кумира Дуры, театрального *jeune premier*, позволяющего снова убедиться, насколько приятный актер Дмитрий Шевченко, который в роли милицкого генерала в «Бое с тенью» давал форменного Микки Рурка. Кроме него благодаря актерской профессии здоровой,

хотя и не более умной сестры (Регина Мянник), подвизающейся в амплу «баба у пристани», ярко и широко представлена закулисная фауна: спивающаяся пожилая травести (Ольга Волкова), падающая со сцены в зал, степенный режиссер (Александр Балуйев), без конца репетирующий монолог Катерины из «Грозы», сволочная тюзовская примадонна Татьяна Лютаева, двадцать лет привыкшая загибаться на один и тот же бутафорский пень. Однако все эти второстепенные актерские перлы не могут компенсировать провисших главных ролей, схематичных, как в дамском романе, который списывает с Дуриной

судьбы протырившийся в несчастную семью писатель. Он настолько же лишен индивидуальности, как и нормальная сестра, чья непривлекательность достигает апогея в эгоистическом предфинальном монологе «Почему я, здоровая молодая женщина?». Это риторическое причитание перекликается с недоумением островской Катерины, которая к концу фильма уже кажется одним из его персонажей, представляющим свою разновидность дурости: отчего же, блин, люди не летают так, как птицы? Кажется, кого-то из персонажей «Дуры» осеняет единственно правильным ответом: оттого, что не могут.